

Каждый удар, каждый звук струны, каждое изменение в вокале, даже дыхание и запахи незнакомцев вокруг — всё это стимулировало, в отличие от записанной пластинки. Ты никогда не знаешь, что произойдёт в следующий момент, и это уникальное воспоминание, которое дарит живое выступление, невозможно повторить.

Температура в помещении продолжала расти, и на лбу Лэ Чэньаня выступил пот. Он повернул голову, чтобы взглянуть на Му Ханя, который, казалось, был в трансе, его глаза прикованы к сцене, а лучи света мелькали по его лицу. Лэ Чэньань смутно почувствовал, что тот похож на спокойного и преданного верующего. Неожиданно в нём вспыхнуло желание разрушить это спокойствие, как будто крики на сцене и в зале принадлежали ему, и в этом пространстве, наполненном страстью и упадком, всё было его.

Он открыл рот и укусил заострённое ухо, ощущая, как тепло крови достигает кончиков зубов. Он не смог сдержаться и приложил силу, пока лёгкий привкус крови не вернул ему рассудок.

Му Хань оставался неподвижным, его глаза светились голубым светом, словно глубоководная вода, сквозь которую время от времени проплывало уродливое светящееся существо.

После трёх часов непрерывного шума, выходя из зала, Лэ Чэньань чувствовал себя так, будто его голова была тяжёлой, а ноги — лёгкими, словно все негативные эмоции были выплеснуты наружу.

Толпа двигалась к выходу, и он схватил Му Ханя за руку, чтобы их не разлучили. Тот всё ещё был в состоянии лёгкого ступора, не похожего на его обычное спокойное и собранное поведение. Лэ Чэньань сжал его ладонь, переплетая пальцы, и одной рукой уверенно поднял камеру, сделав снимок всей толпы.

Он пробормотал себе под нос:

— Я хочу снять для них обложку.

В чём смысл фотографии?

Это вопрос, который каждый фотограф задаёт себе перед тем, как поднять камеру. На него нет однозначного ответа.

Лэ Чэньань тоже задавал себе этот вопрос, и каждый раз ответ был разным. Это было и запись, и выражение.

В данный момент это была встреча и самореализация.

Он привёл Му Ханя домой, оставив его в углу, чтобы тот пришёл в себя, а сам открыл ноутбук, быстро обработал только что сделанные снимки и отправил их барабанщице.

Он написал:

[Надеюсь, у меня будет возможность снять обложку и промо-фото для вашего альбома.]

Барабанщица быстро ответила:

[Конечно.]

Договорившись встретиться в воскресенье днём на складе, где они репетировали, Лэ Чэньань закрыл ноутбук и начал думать о том, что ему нужно.

Му Хань сидел на полу в углу, наблюдая за ним. Оба они только что пришли в себя после шока и теперь смотрели друг на друга с лёгкой усталостью.

Только сейчас Лэ Чэньань осознал, что почему-то привёл Му Ханя к себе домой, даже не убравшись заранее. К счастью, хотя квартира была маленькой и немного захламлённой, она была чистой, по крайней мере явного слоя пыли нигде не было.

Он собрал разбросанные по полу бумаги — рекламные листовки, журналы, постеры, папки из студии — и сложил их в кучу на полке.

— Голоден? — спросил Лэ Чэньань, чувствуя, что после концерта его энергия на исходе.

Он предположил, что Му Хань, должно быть, голоден ещё больше, и, взглянув на меню доставки, заказал раков в соусе из рисового вина хуадяо.

После выпуска он редко ел дома полноценно — либо ел у родителей, либо заказывал доставку или перекусывал на ходу, используя только угол журнального столика.

Он повесил постиранную, но ещё не сложенную одежду в шкаф, сложил журналы на стул и отодвинул его в угол, чтобы освободить место. Наконец он подтащил Му Ханя вместе с подушкой к столику:

— Скоро привезут раков.

— У тебя нет кухни, — вдруг заметил Му Хань. — Как ты обычно ешь?

— Как получается. Покупаю сэндвичи или молоко в магазине рядом. В крайнем случае заказываю доставку, — ответил он.

С тех пор как поступил в университет, он питался так же, как и все, особенно работая ассистентом фотографа, когда график был ненормированным и даже мелочи отнимали время на еду.

— Это вредно для здоровья. Ты ещё молод.

— Ну хватит, ты сам-то сколько? Не строй из себя родителя, — рассмеялся Лэ Чэньань, проводя рукой по его волосам, и вдруг заметил на кончике уха след засохшей крови. — Что это...

В порыве возбуждения он, кажется, переборщил. Он лизнул зубы, и на языке всё ещё ощущался сладковатый привкус крови. Он с иронией подумал о себе, встал и начал копаться в ящике с разными вещами, пока не нашёл оставшиеся ватные палочки с йодом. Он аккуратно протёр кровь на ухе:

— Почему молчал? Я совсем забыл. Не больно?..

К счастью, укус был неглубоким, только слегка повредил кожу.

Му Хань улыбнулся:

— Не больно.

Его улыбка заставила Лэ Чэньаня почувствовать себя ещё более неловко. Почему этот человек всегда выглядел таким спокойным и уверенным рядом с ним, в то время как он сам казался просто глупым? В школе такого не было...

— Ты думаешь, я очень тупой? — с досадой спросил он.

— Большая мудрость в простоте, — Му Хань не сдержал смеха.

И хотя его голос был приятным, Лэ Чэньань всё равно разозлился и слегка сжал его рану.

Когда привезли раков, Лэ Чэньань надел двойные перчатки и предупредил Му Ханя:

— Если не умеешь чистить, можешь пораниться. Лучше не трогай.

Он размягчил панцирь у хвоста, сжал вторую часть тела рака и легко вытащил мясо. Голову он оставил, и мясо, всё ещё соединённое с ней, выглядело так, будто его раздели. Лэ Чэньань с гордостью выложил раков на тарелку, повернув их в сторону Му Ханя:

— Ешь, не острое, сладкое.

— Ты тоже ешь, — Му Хань взял одного из самых больших и сунул его в рот Лэ Чэньаню.

После того как они съели семь-восемь раков, Лэ Чэньань остановился:

— Ешь ты. В этом есть алкоголь, мне нельзя много.

— Ты хорошо переносишь алкоголь, чего боишься? — Му Хань облизал пальцы, на которых остался сок хуадяо.

Не знаю, было ли это из-за алкоголя или из-за его действий, но Лэ Чэньань почувствовал, как его горло пересохло.

— Я не разбираюсь в роке, но это не мешает мне быть вашим фанатом, — сказал Лэ Чэньань, встречаясь с барабанщицей на станции.

— Конечно, главное — получать удовольствие. Рок — это не математика, его не нужно понимать, — ответила барабанщица, которую звали Линь Цянь.

Она говорила тихим голосом, и в этот раз была одета довольно женственно. Если бы не видела её на сцене, никто бы не подумал, что эта хрупкая девушка может извлекать такие бешеные ритмы. Единственной подсказкой был лёгкий блеск в её глазах, когда она говорила о музыке, словно маленькие крючки, которые цепляли слушателя.

Их репетиционный склад был небольшим. Бывший промышленный район теперь заброшен и превратился в место, где собираются творческие люди, с арт-центрами, дизайнерскими площадками, кафе и барахолками.

Склад был квадратным, сделанным из контейнера, с единственным окном на крыше в дальнем конце. Большую часть времени освещение было не очень хорошим. Они поставили осушитель, чтобы защитить оборудование от влаги. Половина склада возле двери была заставлена полками с бумагами, кружками, разными вещами и старыми пластинками. Лэ Чэньань даже нашёл губную гармошку, барабан, флейту и трубу... Вторая половина была занята их инструментами, эффектами и записывающим оборудованием.

Лампы на потолке излучали тусклый жёлтый свет, что создавало атмосферу, отличную от профессиональных студий.

Раньше Лэ Чэньань ходил с Тан Синь снимать закулисные моменты для певцов. В просторной

студии стояли аккуратные профессиональные устройства, а перед ними была стеклянная стена, отделяющая записывающую зону.

Здесь же на полу лежал ковёр, явно собранный из разных мест, с разными узорами, а стены были обклеены серой пеной с выступами.

— Почему вы не арендуете студию? Сейчас их много, и если вы сами записываете, это не так дорого, — Лэ Чэньань присел на корточки, с интересом рассматривая узоры на ковре.

— Привыкли. Мы, рокеры, живём проще. И... запись — это просто память, рок нужно слушать вживую.

Пока они разговаривали, вошёл гитарист, всё ещё в костюме. Первым делом он снял пиджак, расстегнул воротник и закатал рукава рубашки до локтей:

— Как разговор?

— Мне он нравится, — Линь Цянь завязала волосы и села за барабаны, начав импровизировать.

Прямая, неистовая, первобытная сила исходила из её хрупкого тела, а её тень на серой стене выглядела как щупальца или дикое дерево, растущее на ветру.

Лэ Чэньань почувствовал, как барабанные палочки словно ударили по его нервам, вызывая боль, но это было приятно.

<http://bllate.org/book/16169/1449214>